

Стенограмма
Круглого стола «Реформирование экономики в период социально-экономического кризиса: опыт Перестройки и современность»

14 мая 2015 года

А.А. Нечаев. Я скажу два слова, чтобы не ушла тема дискуссии об одобрении «шоковой терапии». А потом, может быть, три слова о том, что я хотел сказать, прослушав Рудольфа Германовича.

По поводу одобрения. Во-первых, была все-таки достаточно беспрецедентная акция, имея в виду Съезд народных депутатов. Дальше вопрос: в какой мере он вообще представлял интересы населения и олицетворял настроения широких масс. Я имею в виду съезд, который дал Борису Николаевичу Ельцину, включая голоса коммунистов и прочих, чрезвычайные полномочия по проведению экономических реформ. Это был октябрь 91-го года, где он озвучил, исходя из ваших терминов, программу шоковой терапии. По крайней мере у людей, которые давали ему полномочия, может быть, они не все понимали, но точно не должно было быть иллюзий, что это программа построения коммунизма или что-нибудь другое.

Это был достаточно обстоятельный доклад и достаточно конкретная программа, которую как раз мы для Бориса Николаевича готовили. Поэтому, по крайней мере в части широкого, не парламента, а съезда (там, по-моему, было полторы тысячи душ) одобрение этой шоковой терапии было.

Второе одобрение, с которым мы точно не можем поспорить - это референдум апреля уже 93-го года (вы помните: да-да, нет, да), когда даже по самой тяжелой позиции - одобрение экономической политики правительства и президента – было 54% «за». Тогда еще не было нынешней практики каруселей, непрерывных производств и других креативных способов массовых фальсификаций волеизъявления граждан. Поэтому этому результату можно верить. И он таков. Повторяю: после самого трудного периода реформ.

Теперь два слова, может быть, в развитие. По поводу вообще людей, которые принимали решения об экономических реформах, по крайней мере, в середине 80-х и их готовности к каким-то переменам. У меня довольно длинное академическое прошлое. Мне так повезло или не повезло, что мы (по крайней мере, я) два или даже три цикла (я не помню) занимались комплексной программой научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий на двадцать лет. Сначала было до 2000 года, потом – до 2005 года, потом – до 2010 года.

Действительно это была очень интересная работа, фактически это был такой полупрогноз, полуплан, когда собирали возможности каких-то научно-технических или инновационных решений. И дальше это сводилось, если они будут реализованы, - что будет с экономикой. В последних разработках результат у нас был крайне плачевный. Даже если все локальные достижения научно-технического прогресса коммерциализовать (тогда такого слова, конечно, не употребляли – а реализовать), то темпы роста получали 2%. Притом что по нашим оценкам, с поправкой на скрытую инфляцию уже где-то с 79-го года темпы были нулевые или отрицательные. Можно было дискутировать по этому поводу.

И дальше эти чудные люди из Экономического отдела ЦК КПСС нас вызывали. Я был слишком молод для того, чтобы меня туда вызывать. Вызывали соответственно покойного Юрия Васильевича Яременко, Александра Ивановича Анчишкина, и других руководителей разработки этой программы и говорили: 2% – мало, надо сделать 3%. В этой фразе два характерных момента. Первый – полное отсутствие амбиций, то есть не китайские 10-15, не 7, не даже смешное путинское удвоение ВВП, а просто: ну, сделайте нам 3%. Но при этом ничего не надо менять.

И тогда принималось такое решение: материальная, технологическая составляющая экономического роста дает 2%, а дальше пусть Евгений Ясин напишет, что еще 1-процентный пункт роста добавит совершенствование хозяйственного механизма. И это всех устраивало. Совершенствование

хозяйственного механизма не имело почти никакого отношения к экономическому реформированию.

Теперь по поводу тех реформ, которые были где-то во второй половине 80-х и до 90-го. При моем величайшем и, думаю, нашем всеобщем уважении к политической части реформ, я бы сказал: то, что делалось в экономике, лучше бы это не делалось вовсе. Трудно придумать более разрушительное воздействие, по крайней мере на финансовую систему страны, чем оказали Закон о социалистическом предприятии 87-го года и Закон о кооперативах, по крайней мере в той форме, в какой они были реализованы. Еще антиалкогольный закон тоже внес посильный вклад... Фактически Закон о соцпредприятии убрал контроль за доходами. И дальше каждый директор упражнялся в меру своей креативности и фантазии, как он будет наращивать доходы своих работников, потому что контроль был снят полностью.

Кооперативы, придуманные как средство насыщения потребительского рынка, какую-то мизерную роль, наверное, сыграли в смысле появления вареных джинсов и общественных платных туалетов. Но подавляющая часть кооперативов – это была просто перекачка денег государственных предприятий в карманы родственников руководителей государственного предприятия. Причем начиная от тяжелой промышленности и кончая самой хорошей, настоящей академической наукой.

Я помню, Юрий Васильевич Яременко очень настороженно к кооперативам относился. Поэтому у нас появился только один кооператив в институте, но и тот тут же стал отмывать деньги. Потому что понятно, все люди были те же самые, и все мы занимались ровно тем же самым, но только оформлялось это через кооператив, что позволяло пользоваться колоссальными налогами и льготами.

Эти меры нанесли абсолютно разрушительный удар: а) по состоянию государственных финансов и б) по состоянию потребительского рынка. Были последующие попытки его латать, опять же ничего не меняя по существу. А в данном случае главное, что не менялось по существу, - это либерализация

цен, либерализация хозяйственных связей и либерализация торговли. Дальше это была попытка чайной ложечкой собрать воду с пола, когда кран в ванной был открыт на полную мощность.

Была попытка сбалансировать рынок, в частности за счет иностранных кредитов и соответствующего импорта, что буквально на протяжении двух, максимум двух с половиной лет привело к возникновению колоссальной внешней задолженности, которой вообще в СССР не существовало никогда. СССР вообще не знал такого слова. Можно спорить по поводу лендлиза, но по нему просто сразу отказались платить, и тема задолженности ушла. СССР никогда не имел внешней задолженности. Практически за два с половиной года общий долг по разным линиям, включая долг странам СЭВ, достиг 114 млрд долларов. Сумма немаленькая, в том числе порядка 65 – это только долги странам Парижского клуба.

При этом ухудшение экономической ситуации сопровождалось фактически распадом основных государственных институтов. То есть если до путча 91-го года это шло еще достаточно плавно, например, через акционирование уходили целые сектора экономики из вертикальной системы управления. Сейчас неважно, была она эффективной или неэффективной. Но она была какая-то. Когда на ее месте появляется хаос, то тогда ситуация становится бесконтрольной.

После августа 91-го года федеральные органы власти просто развалились. Они де-юре продолжали существовать, де-факто они развалились. Я помню, когда я пришел в Госплан, там на коллегии совершенно всерьез рассматривали распределение государственных инвестиций в объемах, примерно в восемь раз превышающих то, что вообще можно было всерьез распределять. А параллельно обсуждали яйценоскость кур и заготовку хвойной муки на тот случай, если все-таки инвестиции не сработают, чтобы скот можно было чем-то кормить. Потому что ситуация уже к сентябрю 91-го года со снабжением крупных городов была катастрофической. Не хочу сейчас цифры приводить, они у меня в книге

«Россия на переломе» написаны, еще больше и лучше у Егора Тимуровича Гайдара в «Гибели империи». В общем, они все известны.

Поэтому все рассуждения о китайском пути в этот момент были абсолютно беспредметны. Китайский путь – это путь действительно поэтапных реформ, базирующийся на мощном государстве и тотальном контроле Коммунистической партии, помимо истории с дешевыми трудовыми ресурсами.

А у нас были разрушены основы государства... Это еще до развала СССР. А после распада СССР Россия оказалась, собственно говоря, без многих базовых государственных институтов. Как-то - без армии, частично без государственной границы, без таможни, фактически без Центрального банка, который был просто республиканской конторой Госбанка СССР с чрезвычайно ограниченными полномочиями и т.д.. Никакой эмиссионной политики он и в помине не проводил, не говоря о валютной. Он фактически осуществлял просто надзор над коммерческими банками.

Российское Министерство иностранных дел тоже была некоей конторой по выдаче виз и приему делегаций, приезжавших именно в РСФСР. И т.д. То есть отсутствовали базовые государственные институты. В этом смысле рассуждения о китайском пути, мне кажутся абсолютно беспочвенными.

Безусловно, если бы у Михаила Сергеевича и его ближайших сподвижников хватило мужества начать экономические реформы – реальные рыночные реформы, не имитационные, типа разрушительного Закона о социалистическом предприятии, - конечно, они прошли бы гораздо менее болезненно, когда были более или менее сбалансированы финансы, когда был сбалансирован потребительский рынок, когда не было такого гигантского инфляционного навеса, в том числе в виде печально известных, сгоревших сбережений в Сбербанке, которые в апреле 91-го года премьер Павлов заморозил... Их же возникновение в подавляющей части носило вынужденный характер. Потому что доходы росли совершенно безумными

темпами, но такими же темпами сжималась возможность эти доходы каким-то образом материализовать. Поэтому это были вынужденные сбережения, которые после либерализации цен просто пришли в соответствие с той товарной массой, которая на тот момент была, естественно, со скачком цен, измерявшимся на самом первом этапе десятками, а потом и более процентов.

Поэтому если бы экономические реформы начались, скажем, в 87-м году после партийной конференции, когда, по крайней мере, эта тема обсуждалась, они были бы менее болезненными и более быстрыми. Программа «500» если бы начала всерьез реализовываться, а не то убожество, которое сделали дальше из нее Абалкин с Рыжковым, когда все ее концептуальные элементы были абсолютно выхолощены, включая прежде всего либерализацию экономики.

Поэтому я бы сказал, что если мы пытаемся строить этот мостик между экономической политикой, перестройкой и экономическими реформами начала 90-х, то я не вижу концептуального мостика, кроме тех интеллектуальных наработок, которые определенными группами, прежде всего экономистов, были в этот период созданы. И в рамках разработки программы «500 дней», и в других, менее известных программах. Была, в конце концов программа, которая была разработана группой Гайдара. Но она была разработана за два месяца после путча, когда мы сидели на даче в Архангельском. Во многом она все-таки было завершением того, что мы до этого продумывали, обсуждали, прорабатывали на протяжении пары лет.

Поэтому некий интеллектуальный задел для экономического реформирования, безусловно, на этапе перестройки был сделан. Но непоследовательность в экономической политике и в ряде случаев решения вроде бы во благо и из благих побуждений, но которые носили абсолютно разрушительный и деструктивный характер, они во многом определили и последующий ход шоковой терапии, я бы сказал, ее бóльшую шоковость, чем она могла быть изначально.

Плюс, повторяю, отсутствие и крайняя слабость основных государственных институтов, что тоже, в общем, стало результатом 91-го года. Собственно, последовательность шагов в рамках первого этапа экономических реформ в очень малой степени определялась какой-то теорией. Эти обвинения, что мы фридмановские мальчишки, и вообще, не понимая, переписали просто Милтона Фридмана. Это могут говорить только люди, очень далекие от реальной ситуации.

Так же, как любят говорить наши коллеги из «Яблоко» в лице Григория Алексеевича Явлинского, нами всеми горячо любимого, что, конечно, надо было сначала развивать институты, создавать конкуренцию. Мы до сих пор ее создаем. Сейчас ее, правда, стало меньше, чем в 90-е. Надо было провести приватизацию, а потом либерализовать цены. В рамках некоего академического дискурса я бы с этим, вероятно, согласился. Конечно, надо создать рыночные институты. Как это, правда, создать в планово-административной экономике - не очень понятно, но теоретически это было бы хорошо. Создать конкурентную среду на основе приватизации. Но только когда у вас ситуация неконтролируемых доходов населения, отпущенных оптовых цен, 35-процентного от ВВП дефицита федерального бюджета и, соответственно, полного отсутствия возможностей оттуда выдавать какие-то дотации для того, чтобы держать розничные цены, то дальше попытка их удержать заканчивается просто тотальным дефицитом, который мы имели к концу 91-го года, по крайней мере в крупных городах.

И если говорить об альтернативах, они, кстати, предлагались, но, слава Богу, у Бориса Николаевича хватило ума и политической мудрости на них не согласиться. Была некая группа, которая всерьез предлагала такой «военный коммунизм-2»: комиссары на заводах, тотальная карточная система. После того, как не сработала попытка купить у своих крестьян зерно за валюту. Помните, были такие интересные эксперименты, но они просто закончились тем, что валюты не оказалось. Крестьянам обещали, они чуть-чуть зерна поставили, потом сказали: ну теперь пора бы заплатить. Им ответили: мы

заплатим, конечно, когда-нибудь. Поставки прекратились. Или чеки – «Урожай-90» вспомните. Много было всяких наивных начинаний вплоть до афер в этом время – 90-91-й годы. Предлагавшаяся альтернатива была: просто изъять у сельхозпроизводителей зерно, фактически силой. Но, к счастью, не было руководителей, готовых принять такое решение, и не было уже и армии, которой можно было это поручить, которая готова была этим делом заняться.

Потому что это не расстрел Белого дома, который, безусловно, является совершеннейшей трагедией. Но расстрел Белого дома – это война, собственно, двух сравнительно небольших групп в рамках тогдашней правящей элиты, одна из которых пыталась свергнуть другую, - президента, а тот как мог оборонялся. Согласен, что не лучшим способом. Но 99% населения это было глубоко безразлично. Те, кто уже имел доступ в Си-Эн-Эн, просто смотрели это как интересный фильм. Уверяю вас, что никаких массовых демонстраций поддержки Хасбулатова и Руцкого в каком-нибудь Новосибирске, Хабаровске, Урюпинске и т.д. в тот же день не случилось не потому, что они боялись, что там тоже всех расстреляют. Для того чтобы вообще кто-то стрельнул, всю ночь пришлось Грачева уговаривать, чтобы он нашел два танка, которые стрельнули.

Еще раз говорю: это, безусловно, трагедия. Это, безусловно, во многом предопределило искаженную политическую систему последующей России. Потому что в Конституции 93-го года были заложены во многом пораженные права парламента. И эта диспропорция между президентской властью и парламентом фактически в значительной степени была заложена в Конституцию и этими событиями. Не самим расстрелом, а тем, что парламент восстал против президента. И это очень испугало президента, безусловно. Наверное, это логично. А дальше Конституция писалась под то, чтобы парламент, если и восставал, то гораздо сложнее и желательнее в ограниченных масштабах.

Другое дело, что и по сравнению с Конституцией сейчас полномочия у президента, не предусмотренные напрямую в Конституции, расширены многократно отдельными «обычными» (неконституционными) законами, просто Указами президента и другими нормативными актами, по уровню на три порядка отличающимися от Конституции.

О.М. Здравомыслова. Мы можем это рассматривать как известное следствие той Конституции.

А.А. Нечаев. Нет, я говорю про нулевые годы сейчас. Если, например, сосредоточение в руках президента всего контроля над экспортом вооружений является следствием расстрела Белого дома в 93-м году, то это очень сложная логическая цепочка. Для меня она не очевидна.

Я вам просто привел пример дополнительных функций президента, никак не предусмотренных в Конституции, появившихся и окончательно сформировавшихся где-то в середине нулевых годов. У нас президент полностью, например, контролирует военно-техническое сотрудничество. Какое это отношение имеет к Конституции и к расстрелу парламента? Никакого.

О.М. Здравомыслова. Имеет отношение к его полномочиям. Но это другой вопрос.

А.А. Нечаев. Одним словом, я завершаю. По поводу этого мостика. В значительной степени ход реформы, ход шоковой терапии 92-го года определялся не какими-то теоретическими построениями, а абсолютно конкретной ситуацией. И, в частности, если вы не можете контролировать розничные цены, тогда у вас есть один единственный вариант их отпустить. Если вы не готовы организовать продрозверстку-2.

И еще целый ряд решений носил такой абсолютно вынужденный ситуативный характер, хотя в целом, безусловно, встраивался в логику построения рыночной экономики.

Спасибо.

О.М. Здравомыслова. Спасибо.

Мужской голос. Тема законов о госпредприятии, объединении, кооперации часто возникает. Много об этом пишут. Но опять же, вот Закон о госпредприятии. Его опубликовали для всенародного обсуждения в центральных газетах в феврале 87-го году, если я правильно помню. Приняли его в конце июня, если я тоже правильно помню. Четыре месяца. За четыре месяца неужели никто из советских директоров этой когорты не видел последствий, нигде ничего не мог по каким-то причинам опубликовать. Если не мог – то по каким?

Закон о кооперации опубликовали тоже на всенародное обсуждение в марте 88-го года. И приняли в июне, насколько я помню, 88-го. Также два месяца на всенародное обсуждение. Где возражения? Обсуждали Нину Андрееву, обсуждали что угодно, но эти вопросы не обсуждали. Почему? Это не Закон об индивидуальной трудовой деятельности, который приняли разом, никого не предупредив, и никому ничего не объяснили. Как это, по Вашему?

И второй момент. Представим себе. Вы говорите, что реформа цен была очень запоздалой. Но давайте представим себе. 87-й год. Мы помним все выступления Горбачева в Мурманске. Мы помним шок у людей, что сейчас будут повышать цены. И мы помним, что в результате ничего этого тогда не произошло.

Представим себе. Не с ноября, конечно, 87-го года – там юбилей Октября. Но с января 88-го эта реформа происходит. По Вашему, положение улучшилось бы или ухудшилось?.

Спасибо.

А.А. Нечаев. Я начну со второго. Во-первых, была попытка кратного административного повышения цен, как вы помните, в конце 90-го года. Естественно, с нулевым результатом. Потому что рынок был уже дисбалансирован. Это повышение сложилось неким образом в головах руководителей Государственного комитета по ценам. Спрос населения и отсутствовавший рыночный механизм ценообразования могли подсказать,

что здесь должно быть повышение в 10 раз, а здесь цены даже снизятся. А не некие расчеты чиновников. Это совершенно разные вещи. То, чем всегда занималось советское правительство, - это административное повышение цен на бензин, золото и т.д. А на черно-белые телевизоры выпуска 53-го года они всегда административно снижались.

Я говорю именно о либерализации цен. Безусловно, эта мера не могла проводиться одна. Она должна была проводиться параллельно с полной либерализацией хозяйственных связей, либерализацией торговли. Другое дело, скажем, при более сбалансированном рынке указ о свободе торговли, который мы использовали, мог быть иным. На практике у нас он вылился в уличную торговлю. Помните, стояли милые бабушки и продавали семейные запасы. Потом появились киоски – не самые идеальные с дизайнерской точки зрения, но сыгравшие колоссальную роль: а) с точки зрения самозанятости населения и б) с точки зрения какого-то минимального насыщения рынка.

Поэтому, безусловно, должна быть не одна мера, это должен быть комплекс мер. И если бы это было сделано со 2 января 88-го года, а не с 2 января 92-го года, как это произошло по жизни результат был бы более успешным. Сейчас бессмысленно заключать какие-то пари в сослагательном наклонении, но моя оценка, что, безусловно, результат был бы: а) гораздо быстрее с точки зрения достижения сбалансированности рынка, б) инфляционный скачок был бы не таким болезненным для населения, потому что накопленный инфляционный навес был не таким большим в это время. Поэтому все это прошло бы гораздо менее болезненно.

Что касается всенародного обсуждения Закона о социалистическом предприятии. Я думаю, что директора его не обсуждали, потому что там им все нравилось. 95% публики просто не понимали вообще, что там обсуждать.

О.М. Здравомыслова. Лидеры общественного мнения...

А.А. Нечаев. Я не знаю, какие тогда были лидеры общественного мнения - в январе 87-го года.

О.М. Здравомыслова. Журналисты. Экономистов было...

Реплика. Шаталин, Заславская.

Реплика. Критика была со ссылкой на югославский опыт, что в Югославии это привело к этому, к этому. Это очень плохо. И у нас то же самое будет. Давайте что-то делать. А как у нас общественное обсуждение... Берем все ваши мнения и положим в одно место.

А.А. Нечаев. Писались какие-то аналитические записки. Тогда такой практики не было: Круглых столов с привлечением, как вы говорите, лидеров общественного мнения, хотя я не уверен, что в этот момент они уже были в явном виде.

О.М. Здравомыслова. Конечно, были.

А.А. Нечаев. Именно общественного мнения. Были некие популярные личности.

Реплика. Популярные личности: Заславская, Шаталин, Лацис. Это люди, которых миллионы читали.

А.А. Нечаев. Безусловно, всех их мы хорошо знаем. Они были, безусловно, чрезвычайно популярны, но в среде, насчитывающей примерно 2 тыс. человек, они совсем не были известны широкой публике.

Реплика. Притом в разгуле прессы, когда «Аргументы и факты» выходили тиражом 36 млн.

А.А. Нечаев. Нет-нет, ты не путай. Потом, когда начался съезд и его трансляция, ситуация кардинально поменялась. Мы говорим про конец 86-го-начало 87-го. Это еще совсем другая история. Это еще, дай Бог, только одна единственная статья Шмелева вышла.

В.Л. Шейнис. Это февраль 87-го года.

А.А. Нечаев. Дай бог, она только в это время вышла. Первая. Поэтому еще никакого общественного мнения. Общественное мнение было на кухне.

Вопрос. Закон о трудовом предприятии. Кто его готовил?

А.А. Нечаев. Я не знаю, кто конкретно водил ручкой. Но это было в рамках Комиссии Совмина.

Вопрос. То есть экономисты от этого отказывались?

Реплика. Абалкин, вообще говоря, директором Института экономики тогда был. Поэтому трудно отказаться.

А.А. Нечаев. По-моему, он потом стал. Тогда был еще Капустин. Когда он ушел из правительства, он стал директором.

Вопрос (*не слышно*). Инициаторы и идеологи...

А.А. Нечаев. Идеолог, безусловно, Леонид Иванович. При всем уважении. Кто водил ручкой... Я в этот момент был скромным ведущим научным сотрудником. Точно Анчишкинский институт к этому отношения не имел. Это я знаю на 200%.

О.М. Здравомыслова. Хорошо, отлично делать все эти либеральные реформы в условиях, когда существует одна партия – Коммунистическая с социалистической идеологией, плановая экономика и Госплан. Тут же и номенклатура. Надо еще понимать, что не было такого эксперимента в истории, когда от такой экономики, какой была советская плановая, монополизированная, еще идеологизированная, переходили к рынку.

А.А. Нечаев. Во-первых, не совсем так. В этом смысле китайский эксперимент был, и он состоялся. В отличие от китайцев, не в условиях диктата Коммунистической партии он состоялся в Чехии, Польше и т.д. Проблема в другом, что никто из тогдашнего высшего руководства СССР не собирался переходить к рынку. Вот в чем была беда-то. Никто никуда не переходил. Принимали Закон об индивидуальной трудовой деятельности. К рынку вообще никакого отношения. Индивидуальная трудовая деятельность не является таким, я бы сказал, имманентным элементом рыночной экономики. Хорошо, если она есть. Если ее нет, тоже ничего страшного.

О.М.Здравомыслова. В предыдущем докладе у нас была несколько другая версия. В предыдущем докладе был как раз тезис, что практики вели именно к переходу к рынку.

А.А. Нечаев. Нет-нет. Я слышал не весь доклад. Но то, что я услышал... Простите Рудольф Германович, что мы Вас тут интерпретируем, но зато честно в Вашем присутствии. Там было, что фактически шла

приватизация, что де-факто шла приватизация, и, собственно, попытки Анатолия Борисовича Чубайса дальше этот процесс как-то максимально ускорить... Главным побудительным фактором было то, что она все равно шла. И вопрос был только: можно ли ее как-то ввести хотя бы в минимально цивилизованное русло. Вот и все.

Р.Г. Пихоя. Я все-таки полагаю, что рыночные отношения у нас пошли заметно с конца 70-х годов. Вспомните те барахолки, которые возникают во всех городах. То есть возникает у нас теневой сектор экономики. Этот теневой сектор экономики фактически обеспечивает страну товарами народного потребления, одеждой и т.д. и т.п. Появлению кооперативов у нас предшествовали цеховики. И фактически, когда у нас появился Закон о кооперации, произошла просто-напросто легализация. Что такое НТТМ как не рыночные отношения. За что в Новосибирске сажали этих ребят? Потому что они нечаянно пересекли эту красную черту, перейдя на рыночные отношения.

То есть вообще, видимо, стихийный процесс перехода к рынку начался на стадии разложения социалистической экономики с характерными (не время и не место обсуждать) признаками. Когда она начала разлагаться, то, естественно, возникли рыночные отношения, которые просто, как ржавчина, проели всю нашу экономическую и политическую систему и подготовили ее обрушение.

А.А. Нечаев. Известная фраза Виктора Степановича Черномырдина: я за рынок, но без базара. То, о чем говорите Вы, это были элементы базара, но совсем не рынка. Колхозный рынок был. Но в данном случае рыночной экономики не было.

А.А. Аузан. Тут в чем несомненно прав Рудольф Германович, что был сильный спонтанный процесс, долголетний, скорее всего начавшийся в 60-е годы. Такого подпора. Потому что есть же работы Найшуля, Широлина, Сапова по поводу административного рынка, по поводу того, каким образом это в плановой системе возникло: обмен статуса на ресурсы, на

фондирование и прочее, прочее. То есть он в таких причудливых формах существовал и рос. Это правда. Он рос в легальной форме, как обмен статусов на фонды. Он рос в нелегальной форме – цеховики и прочее, прочее. И он стал сходиться в этих легальных формах в перестроечном процессе, потому что выяснилось, что его можно вылить в легальный вид.

То есть я согласен, что это совсем не тот рынок, не та фаза, не то институциональное состояние, которое мы имеем в виду. Но процесс, конечно, длинный, и он шел. И в этом смысле перестройка его, конечно, двинула.

А.А. Нечаев. Не совсем в ту сторону.